

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Дипломатия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623915

Аннотация

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 206, 28 июля, в разделе «Фельетон».

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Максим Горький

Дипломатия

Картинка с натуры

Сапожник Федька Скроботов был в унынии. Квартирный хозяин поставил ему вчера строгий ультиматум – или давай деньги, или уезжай с квартиры. Жена и мать Федьки по сему поводу с утра неистово пилили его, попрекая пьянством, ленью и всеми другими пороками, коренившимися в Федьке, по их словам, со дня его рождения. Наконец, они, дружно предав его анафеме, замолкли, мать ушла куда – то, жена села к окну и стала шить, а Федька ковырял шилом старый башмак и, чувствуя, что ему хочется есть, – никак не мог решиться попросить у жены обедать.

А в желудке давно уже сосало, и голодная слюна наполняла рот. Наконец, он решился...

– Ка-акие я малосольные огурцы видел в лавке!

Гробовое молчание со стороны супруги.

– А что, у нас нет огурцов? – дипломатично продолжал Федька.

– Ты покупал? – сухо, не поднимая головы от работы, спросила жена.

«Нет, он не покупал. Хотел купить, но не успел, ибо проиграл деньги в три листика.

Однако в следующий раз он обязательно купит огурцов и даже сразу тысячу...»

Он подумал это про себя, а жене доложил:

– Не успел я намедни... Нужно было дратвы, вару...

– Молчи уже, варвар... – укоризненно бросила ему супруга.

Федька засмеялся, изобразив на лице нечто вроде удовольствия.

– Какие эти самые женщины умные... когда они разозлятся. Даже удивительно! Ей миролюбно скажешь – вар! А она тебе сейчас на это слово запалит – варвар! Каждое твоё слово помножит и к щеке твоей приложит!

Обыкновенно от балагурства Федьки его супруга «поджимала животик», но в данном случае она только плотно сжала губы и, помолчав, тоном сухим и колким спросила:

– Как будешь с хозяином – то?

Федька вздрогнул и поёжился, но решил не терять присутствия духа, надеясь храбростью ускорить обед. Он многозначительно поднял кверху палец и таинственно заговорил:

– Не извольте тужить – мы сумеем прожить! Мы, хорошие слуги, проживём и без потуги... пусть только на нас не рычат, яко звери, наши любимые супруги!

Победа! Жена улыбнулась!

– Сколько это у тебя их, супруг – то?

– Одна! Да и та, должно быть, больна, я выпью немножко вина, а она делается пьяна и колотит меня колодками по

башке... чего делать не должна!

Федька пересолил. Супруга снова нахмурилась и кратко заявила:

– Убить даже тебя, болтуна, и то мало!

Обед опять отодвинулся далеко куда – то. Федька угнетённо вздохнул.

– Насчёт хозяина ты не беспокойся! Я его сегодня вечером укрошу... как только в голове нужных слов найду...

– Что у тебя слова – то ползают в голове? – оппонировала супруга.

Опять неудача!

– Видишь ты, ему я, этому самому хозяину, уже такую подпущу дипломатию, что он, не токма, что денег с меня просить – благодарить меня будет, да! – вдохновенно начал врать Федька. – А пока что, собрала бы ты по... поесть чего –нибудь!

– Иди за щепками, надо щи разогреть... – сверх ожидания сказала жена.

Федька живо вскочил и бросился в сарай за щепами.

Задняя стена сарая выходила частью в сад домохозяина, а частью на соседний двор, и на нём, как раз у стены, слышался говор. Любопытный Федька прильнул к щели, желая знать, кто и о чём говорит. Говорили, стоя у забора, трое мальчиков; один из них был сын учителя, жившего рядом, двое других – его товарищи. Федька знал их всех. Они смотрели в сад домохозяина Федьки на яблоки, ещё незрелые, но

уже крупные, зарумянившиеся, отягощавшие ветки и дразнившие вкус...

– Полеземте, – предлагал сын учителя товарищам, кивая головой на яблоки.

Те подозрительно огляделись вокруг, не решаясь. У Федьки блеснула в голове идея.

– Мальчики! – вполголоса позвал он.

Мальчики шарахнулись было в сторону, но сын учителя остановил их.

– Это – сапожник, – успокоительно сказал он.

– Это, действительно, – я! Я знаю лаз, – ах, как удобно! Айдайте вместе? И напорем мы этих самых яблоков – пуды! Идёт?

Мальчики оживлённо заговорили друг с другом, быстро составив что – то вроде военного совета. Нервозный сын учителя горячо убеждал товарищей в безопасности набега, а Федька слушал и трепетал от ожидания. Решили, наконец.

– Вот и превосходно! Я сейчас же там буду!

Действительно, через минуту он сидел за сараем верхом на заборе и, глядя, как по саду, крадучись, в тени веток, двигались фигуры мальчиков, руководил их действиями, громким шёпотом командуя:

– Левее берите... к малиту! Он теперь вкусный, малит-то!

Потом он спрыгнул в сад, видя, что мальчики подобрались к «малиту», подошёл к ним и, спросив: «идёт работа?» – взял учителя сына за плечи. Тот обернулся и вопросительно по-

смотрел на него. Федька сделал строгое лицо.

– Теперича, господа, у нас пойдёт серьёзный разговор. Вы двое бегите, а вы, Николай Николаевич, пожалуйста со мной.

Товарищи Николая Николаевича, бледного от охватившего его испуга, поняли, в чём дело, и моментально скрылись. А их товарищ попытался вырваться из рук сапожника, но понял, что это ему не удастся, и глухо прошептал:

– Отпусти, Фёдор, я тебе завтра двадцать копеек дам!

– Я ещё не обедал, а вы меня уже завтраком кормите! Нет, это удочка плохая! А за воровство положено наказание – тюрьма. Пожалуйста – идти!

Федька говорил громко и был строг, как Катон. Он вёл своего пленника по дорожке сада и чувствовал, как дрожит его плечо, как холодеет рука. Лицо пленника было бледно, губы беззвучно шептали что – то, он инстинктивно упирался ногами в землю, Федька подталкивал его вперёд и чувствовал, что ему жалко мальчика. Ему хотелось отпустить его, но – дипломатия!

Федька очень много надежд возлагал на свой план для того, чтобы не попытаться довести его до конца.

– Извольте идти! – уговаривал он пленника очень любезно и доброжелательно. – Ничего не поделаешь... отпустить я вас не могу, а должен представить домохозяину... вот он!

Здрассте, Платон Михайлыч! В то время, как вы ругаете меня разными тяжёлыми словами и гоните вон с квартиры, – я – с оберегаю ваше имущество и добро! Извольте видеть?

Поймал вора – с! С поличным в руках имею честь передать его вам! Получите!

Домохозяин, сырой и толстый человек, страдавший одышкой, взял пленника за подбородок, поднял кверху его голову и грозно захрипел:

– А!.. Давно уж я... добирался...

– Вы добирались, а я подобрался – хап! И готово! Я тоже давно слежу за ними... мне ваше, Платон Михайлыч, добро дорого! Я, бывало, ночи не сплю – всё слежу. Сад моего хозяина тр-рогать не смей! Я – вот он! И я уж услежу...

– Я больше не буду... отпустите меня! – молил пленник со слезами на глазах.

– Нет... я тебя к отцу, и пусть он тебя выпорет... ага?! – хрипел Платон Михайлович, страшно вращая глазами.

– Я готов изувечить человека ради вашего спокойя! И вот – извольте видеть – поймал! – убедительно говорил Федька, вертясь ужом вокруг массивной фигуры своего хозяина.

– Спасибо! Ты и вперед... смотри!

– Всегда согласен! – с готовностью воскликнул дипломат.

– Хотя ты тоже... ворище!

Федька выразительно пожал плечами и сказал:

– Ах, зачем опять такие тяжёлые слова!..

Их пленник горько плакал, ожидая решения своей участи. Он уже не просил отпустить его и не пытался осветить предательскую роль Федьки в этом деле.

– Я, кажется, вот показываю вам себя при всём солныш-

ке! Зачем бы это мне гоняться за грабителями вашего сада? Иной бы на моём месте, после вашего вчерашнего разговора, ещё сам же подучил – идите, ребята, охлащивайте сад!

Тут Федька кинул косой взгляд в сторону своего пленника и, убедившись, что тот совершенно не в состоянии понимать что – либо, свободно вздохнул.

Было жарко и душно. С жирного лица Платона Михайловича обильно тёк пот, и ему надоело всё это. Он даже зевнул от истомы. Федька дипломатично замолчал, ожидая дальнейшего.

– Вот что, – сказал ему домохозяин, свирепо отдуваясь, – отведи ты этого... воришку к отцу... знаешь?

– Знаю! – кивнул головой Федька.

– И расскажи там всё...

– Понял! Это я – в момент! Извольте путешествовать за мной, молодой злодей!

Когда Федька вышел со своим спутником за ворота, он дёрнул молодого злодея за рукав, подмигнул ему и расхохотался.

– Идите вы, Коля, теперь, куда вам хочется! Напугались? Ничего не поделаешь... дипломатия, вот в чём гвоздь. Ну, идите!

Коля не верил своему предателю. Он посмотрел на него заплаканными глазами и снова понурил голову.

– Иди – и – те, говорю! – убедительно протянул Федька и даже толкнул его в плечо.

Тогда, медленными шагами, мальчик, оглядываясь на сапожника, пошёл по панели. Федька, улыбаясь, смотрел ему вслед. Вдруг мальчик быстро наклонился, выпрямился, взмахнул рукой, и мимо головы Федьки со свистом пролетел камень. Федька дрогнул и сделал движение вперёд, но мальчик был уже далеко.

– Злой... Обиделся... – вслух сказал Федька и пошёл на свой двор.

– Ну, что? – спросил его домохозяин.

– Отвёл, и всё как следует. Сейчас его ухватили за вихры и повели пороть! – убеждённо врал Федька.

– Так и надо, – сказал домохозяин.

– А то как же? Непременно пороть! А кстати, Платон Михайлович, как вы решили с чемоданчиком – то?

– Дорого просишь...

– Нет! Но ежели желаете – полтора рубля, и зачесь это за квартиру. А остальные два с полтиной, будьте столь великодушны, подождите... Приставлю я вскорости одному приказчику головки, и получите всё до копеечки! Желаете?

– Ну... – буркнул домохозяин, – чёрт с тобой!

– Стеснения мне и угрозы выгоном вон из квартиры не будет? Превеликолепно! Ведь я, ежели говорить по совести, какой квартирант вам? Редкость! Тих и... оберегаю ваше добро, не смыкая глаз, могу сказать! Ей – богу! Хоть бы вот теперь – сколько я время потерял, ловя воров в саду и прочее такое?!

– Ну... отстань уж! За это спасибо... а всё – таки деньги за квартиру надо платить в срок...

– Да господи! Ежели бы я...

Но домовладелец, грузно покачиваясь, уже шёл в сад... Федька, улыбаясь вслед ему, подмигивал жене, смотревшей на него из окошка и тоже улыбавшейся...

Через полчаса Федька сидел за столом и, жадно глотая вчерашние щи, оживлённо и пылко говорил:

– Ум, почтенная наша мамаша и дорогая супруга, ум – с, – вот что есть главное в жизни!

Дипломатию надо уметь делать с людьми. Человек на тебя с оглоблей лезет, а ты его норови дипломатией опутать... Ведь вот сегодня утром какая была моя жизнь? Хозяин меня съесть готов, супруга меня кусает, маменька жуёт... оставалось мне повеситься или сбежать! Полчаса действия моего ума, и все стали очень даже ласковы! Каково – с?

– А ты ешь, ешь, – поощряла его мать.

– Я могу и есть и говорить... И даже мне это выгоднее! Я говорю, вы меня слушаете... и не видите, что я давно уже с говядиной черпаю, а вы всё ещё пустые щи буздыряете!

И все трое за столом разразились весёлым хохотом.